

В той стороне, глядя на этого самовлюбленного мужлана, который умудрился задеть каждое больное место Юнь Шу, и на его липкий, вызывающий отвращение взгляд, Юнь Шу лишь слегка приподнял уголки губ, хотя в глазах его застыл холод.

Он небрежно вытянул из стопки на столе книгу и, словно невзначай, подтолкнул лежавшее там письмо — неуместное на его идеально чистом столе и источающее приторный аромат — к самому краю, пока оно не соскользнуло на пол.

Па.

Бросив взгляд на запечатанный конверт, лежащий на холодном полу, он поднял глаза на этого сального, самодовольного жабу и с улыбкой произнес, не чувствуя ни капли раскаяния:

— Ой, прошу прощения. Случайно уронил твое письмо.

Окружающие, ставшие свидетелями этой откровенно намеренной выходки, даже глазом не повели, словно происходящее было в порядке вещей. Да и сам виновник торжества, этот самовлюбленный жаба, не нашел в этом ничего странного. В конце концов, красавец — а Юнь Шу был именно таким — имел полное право на высокомерие.

Более того, всё, что делал Юнь Шу, было априори верным.

— Ничего страшного, — махнул рукой жаба. Он уже собрался наклониться, чтобы поднять конверт, как вдруг увидел, что на бледно-голубой бумаге красуется чей-то ботинок. В то же время сверху донесся мягкий, но равнодушный голос Юнь Шу: — Похоже, на то воля небес.

— Извини, однокурсник, — Юнь Шу слегка улыбнулся, — я не принимаю твое признание.

Жаба замер. Он резко вскинул голову, вытаращил свои узкие глазки и в неверии переспросил:

— Почему? Я ведь так тебя люблю!

Юнь Шу сохранял все то же мягкое выражение лица, но слова его были безжалостны:

— Потому что ты слишком уродлив. Ты меня не достоин.

— Я... я где уродлив? Это называется — выглядеть надежно! — заикаясь, возразил самовлюбленный парень.

Юнь Шу окинул взглядом этого жабу, который с пеной у рта доказывал, что его внешность излучает надежность. Он чуть вскинул подбородок, лениво потянулся и мягко рассмеялся:

— А мне нравятся те, чья внешность кажется мне ненадежной.

— В конце концов, раз уж я так хорош собой, то рядом со мной не может стоять кто попало, — добавил он как нечто само собой разумеющееся.

Этот парень, казалось, был совсем лишен мозгов, раз глупо переспросил:

— Значит, у тебя уже есть кто-то на примете?

— Нет, — улыбнулся Юнь Шу.

Краем глаза он на пару секунд задержался на лице Шэнь Яня, стоявшего рядом с жабой и внезапно побледневшего. Отведя взгляд, он медленно, с расстановкой продолжил:

— По крайней мере, сейчас я не думаю, что кто-то вообще достоин стоять рядом со мной.

— Поэтому те, кто не знает своего места и лезет ко мне с признаниями, кажутся мне просто смешными.

— Что за люди, до тошноты противно, — протянул Юнь Шу, переводя взгляд на Шэнь Яня, который опустил голову, пряча выражение лица. Тон его изменился: — Не так ли, однокурсник?

Не успел Шэнь Янь опомниться от того, что к нему внезапно обратились, как другие студенты тут же подхватили:

— Конечно, конечно, уродливые люди вечно творят черт знает что.

— Любить Юнь Шу — это нормально, но люби себе молча в душе. Признаваться вслух — это уже перебор. К тому же, ты вообще достоин того, чтобы признаваться ему? Только глаза Юнь Шу пачкаешь.

— Именно, — Юнь Шу одобрительно кивнул тому, кто высказался первым, а затем снова повернулся к жабе. Его взгляд был пуст, а голос — тихим и многозначительным: — Ты достоин?

После этих слов Юнь Шу жаба даже не успел отреагировать, а вот Шэнь Янь, чьи пальцы до этого впились в край одежды, сжал их еще сильнее — до белых костяшек.

Словно недовольный тем, что никто больше не поддержал его слова, Юнь Шу снова вскинул подбородок, глядя на Шэнь Яня с изогнутыми в улыбке бровями:

— Ты как считаешь, я прав, Шэнь Янь?

Плечи Шэнь Яня, и без того ссутуленные, опустились еще ниже. Он смотрел в пол, взгляд его, скрытый прядями волос, был затуманен. Спустя долгое время он с трудом выдавил из себя:

— ...М-м.

Услышав многозначительные слова Юнь Шу, Шэнь Янь почувствовал, будто провалился в ледяной погреб. Хотя на дворе стоял октябрь, ему казалось, что он замерзает в лютую зимнюю стужу.

Тем временем вокруг доносились тихие, полные зависти перешептывания:

— Эй, а когда это Шэнь Янь познакомился с Юнь Шу?

— Понятия не имею. И ведь Юнь Шу запомнил его имя, завидую...

— И правда. Может, они близкие друзья?

— Вряд ли. Юнь Шу еще даже не всех однокурсников запомнил, кто знает, почему он выделил именно его. — Студент, говоривший это, недовольно скривился, в его голосе сквозила явная ревность.

— Может, потому что у Шэнь Яня отличные оценки? Он ведь поступил с одними из лучших баллов на курсе.

— Ну и что с того? Семья-то у него нищая, — вклинился в разговор другой студент с едким голосом.

Видя, как стоящая рядом девушка нахмурилась в знак несогласия, тот продолжил:

— Чего ты так на меня смотришь? Я говорю чистую правду. Такой нищеврод, кроме оценок, ничего из себя не представляет, да и внешность — так, средне. Стоит ли он того, чтобы вы его так защищали? — голос парня был пропитан кислотой и нескрываемой завистью.

— Но... судя по его одежде, не похоже, что он беден, — неуверенно заметил кто-то.

Парень презрительно фыркнул:

— Кто знает, откуда у него деньги. Скорее всего, заработал нечестным путем.

— ...

Хотя говорили они вполголоса, каждое слово отчетливо долетало до ушей Шэнь Яня.

Его губы побелели. Он напоминал натянутую тетиву, готовую лопнуть от чрезмерного напряжения.

Нищесброд, такой тип, простолюдин...

Эти слова, полные злобы, словно острые стрелы, вонзались ему в спину.

Шэнь Янь был мрачен. Неужели он сам этого хотел? Разве он мог выбирать?!

Шэнь Янь сжал кулаки, в душе затаив ненависть к тому парню с едким голосом.

Это было похоже на предсмертную агонию: ты не хочешь умирать, но разве это твой выбор? Разве достаточно просто сказать: я не хочу умирать, чтобы остаться в живых?

Нет. Ему суждено было погибнуть.

Юнь Шу, подпиравший подбородок рукой и с ленивым интересом наблюдавший за происходящим, словно насытился реакцией Шэнь Яня. Он небрежно постучал по столу, и его голос, мягкий, но не терпящий возражений, прозвучал в классе:

— Урок начинается, всем лучше вернуться на свои места.

Так эта короткая сцена подошла к концу: жаба, бросив на прощание ядовитый взгляд, поплелся прочь. А поскольку приказ отдал сам Юнь Шу, остальные, хоть и неохотно, но начали расходиться, оглядываясь назад.

Юнь Шу, стоявший позади всех, с улыбкой проводил взглядом уходящего Шэнь Яня, не удостоив остальных ни единым взглядом.

Интересно, знают ли другие, что скрывается за маской высокомерного отличника? Знают ли они о его грязных делишках и мыслях?

Это было чертовски занимательно. На это можно было смотреть вечно.

—

Пока Юнь Шу наслаждался представлением, Чи Мянью, находившийся в стороне от толпы, проводил свою оценку этого человека.

В книге Юнь Шу был описан просто: гордыня, лень, алчность, чревоугодие, похоть, зависть, гнев. Семь смертных грехов — вот и все описание.

Но, наблюдая за ним сейчас, Чи Мянью понял, что эти слова слишком поверхностны. Только за то короткое время, что он следил за ним, в Юнь Шу проявилось столько негативных черт.

Гордыня, лицемерие, подлость, равнодушие, самовлюбленность, любитель устраивать хаос, ходячая неприятность...

Ни одного положительного качества.

Чи Мянью не удержался и спросил Систему:

— Неужели такие люди могут быть главными героями?

Система:

— ...На вкус и цвет товарищей нет. Может, кому-то такое и нравится, иначе бы его не создали. Есть рынок — есть спрос, есть спрос — есть продукт. Это нормально.

Чи Мянью моргнул, словно убежденный:

— Хм, пожалуй, в этом есть логика.

Неизвестно, закончилось ли на сегодня веселье, но весь остаток дня прошел без происшествий. Юнь Шу прилежно сидел на уроках и не выкидывал никаких фокусов.

День прошел на удивление спокойно.

Ну, если не считать волн студентов, которые то и дело приходили посмотреть на Юнь Шу с фанатичным блеском в глазах.

—

Вчера был сочельник, а вот что будет сегодня — еще вопрос.

В конце концов, пока рядом Юнь Шу, этот ходячий генератор проблем, день не может пройти

спокойно.

И правда, на уроке физкультуры не обошлось без происшествий.

Сегодня физкультуру проводили сразу для двух классов: группы Чи Мяня и класса, где учился Шэнь Янь.

После разминки учитель физкультуры махнул рукой, позволяя им заниматься чем угодно. Энергичные подростки, конечно же, не могли усидеть на месте и устроили совместный баскетбольный матч.

Кто-то искал спортивный инвентарь, кто-то, кому было лень двигаться, искал тенек, чтобы отдохнуть — как, например, Чи Мянь.

В Луаньду в октябре днем все еще было довольно жарко. И хотя зноя, как летом, уже не было, стоять под солнцем — не самая мудрая затея.

Чи Мянь не хотел потеть, поэтому открыто отлынивал от занятий.

Однако его удивило другое: в такую жару Юнь Шу, известный своей патологической чистоплотностью, не стал искать тени, а стоял у края площадки и вблизи наблюдал за игрой.

Еще интереснее было то, что Шэнь Янь, слывший холодным отличником, тоже оказался в баскетбольной команде другого класса.

Чи Мянь ткнул Систему:

— Слушай, а между Юнь Шу и Шэнь Янем не может быть чего-то такого... невыразимого?

Система:

— Нет. Это новелла без романтической линии для главного героя, между ними точно ничего не может быть.

Чи Мянь:

— ...

Он пробормотал:

— А я и не говорил, что между ними что-то есть. Ты какая-то чересчур чувствительная, Система.

Голос Системы стал жестким:

— Прошу прощения, профессиональная деформация.

Чи Мянь замер, теребя листик:

— М?

Система честно ответила:

— До этого я вела несколько новелл в жанре данмей, вот и развилась профдеформация.

Чи Мянь мысленно поднял большой палец:

— Профессионально.

Пока Чи Мянь болтал с Системой, на площадке внезапно вспыхнула потасовка.

Когда Чи Мянь посмотрел туда, обе стороны уже сцепились в драке, зрелище было захватывающим.

Разумеется, Юнь Шу в этом не участвовал.

Пока стороны ожесточенно колотили друг друга, Юнь Шу стоял в стороне, засунув руки в карманы, и лениво наблюдал за происходящим, не теряя своей фирменной мягкой улыбки.

Чи Мянь:

— ...

Что происходит? Он отвлекся всего на минуту, как они перешли к рукоприкладству?

К счастью, до того, как они успели покалечить друг друга, подоспел учитель физкультуры и растащил дерущихся.

Чи Мянь, который обычно не интересовался сплетнями, так и не понял, из-за чего весь сыр-

бор. Он лишь знал, что они внезапно начали драться и так же внезапно остановились.

Один из участников, которого в толпе случайно задела спортивным снарядом, получил глубокий порез на руке, остальные отделались испугом.

На этого бедолагу Чи Мянь бросил лишь мимолетный взгляд и не проявил никакой реакции, даже несмотря на то, что тот, кажется, был из его класса.

Ну и что? Его это не касалось.

Чи Мянь опустил веки, чувствуя усталость:

— Душевно истощен.

Даже сплетню не смог толком узнать. Неужели этот инстинкт, заложенный в генах, атрофировался из-за того, что он обычно не следит за чужими делами?

На самом деле, если бы это была просто драка, Чи Мянь не придал бы значения. Но странным было то, что в конце, когда все расходились, Юнь Шу подошел к Шэнь Яню и что-то сказал.

Что именно?

—

Он сказал:

— Я знаю обо всем, что ты натворил.

— Что касается твоего признания...

— Это так противно, Шэнь Янь.

Сказав это, Юнь Шу изогнул губы в усмешке и, бросив на Шэнь Яня насмешливый взгляд, неспешно удалился. Шэнь Янь остался стоять на месте — опустив голову, с дрожащим телом и выражением лица, которое говорило о глубоком потрясении.

Чи Мянь не успел разглядеть лицо Шэнь Яня, как внезапный сигнал Системы заставил его вздрогнуть.

Дзынь.

Механический голос Системы, лишенный эмоций, внезапно оповестил:

— Основная линия, Гнев, активирована.

—

Ночь была тихой и холодной. Почти полночь, луны не видно.

Дождь, начавшийся еще вечером, не прекращался, а становился лишь сильнее.

На улицах, оживленных днем, сейчас не было ни души. В узких переулках, скрытых за высокими зданиями, лишь кое-где мерцали уличные фонари, привлекая насекомых, которые раз за разом бросались на слабый свет.

Топ, топ, топ...

Глубокой дождливой ночью в тихом переулке раздались размеренные шаги.

Из темноты медленно показалась фигура с черным зонтом; лица было не разглядеть.

По мере приближения тусклый свет фонаря разогнал тьму, и стало ясно, кто это.

Это был не кто иной, как Чи Мянь, которого Система подняла посреди ночи на работу.

На лице Чи Мяня читалась сильная усталость. Он потер глаза, при этом пластиковый пакет с закусками, висевший на запястье, зашуршал.

В его голосе слышалась непроходящая сонливость:

— Юнь Шу правда будет здесь сегодня ночью?

Система ответила уверенно:

— Да. Это часть основного сюжета, ошибки быть не может. Тебе нужно просто дождаться его.

Чи Мянь:

— Но как ты можешь быть уверена...

Чи Мянь указал на непроглядную тьму вокруг:

— Дождливая ночь, полночь, тусклый фонарь, заброшенный переулок, странный тип, который бродит с черным зонтом и разговаривает сам с собой. Ты правда думаешь, что такой хитрый лис, как Юнь Шу, пойдет за странным незнакомцем?

Любой человек в здравом уме не станет никуда уходить с первым встречным.

Однако Система возразила:

— Нет, вопрос не в том, захочет ли он идти за тобой.

— Вопрос в том, захочешь ли ты его забрать.

Чи Мянь склонил голову набок:

— Почему ты так говоришь?

Система:

— Согласно книге, Юнь Шу сейчас находится в состоянии после воскрешения. Ему срочно нужно место, где он сможет быстро восстановиться. Поэтому он не упустит ни одного прохожего. Если хочешь сблизиться с ним, сейчас — лучший шанс.

Чи Мянь смотрел на капли дождя, стекающие с зонта:

— Но я совсем не хочу к нему приближаться.

Система:

— Но ты обязан.

Чи Мянь тяжело вздохнул, его плечи поникли:

— Как же тяжело жить.

Глядя на своего подопечного, который вечно хотел все бросить, Система напомнила:

— Время, описанное в книге, скоро наступит. Пройдись еще раз по тому же маршруту,

вероятность встретить его очень высока.

Чи Мянью:

— ...

Хотя работать совсем не хотелось, ради того чтобы выжить, он собрался с силами и приготовился снова обойти весь запутанный лабиринт переулков.

Чи Мянью подумал, что ради выживания он старается даже слишком сильно.

—

Он думал, что придется ходить еще долго, но не успел пройти и пары поворотов, как — вот он, сюрприз.

В переулке было темно, как в бездне. Из-за густой ночи Чи Мянью даже не понял, есть ли там фонари. Может, их там и не было, а может, сломались — сейчас это было неважно.

Остановившись у входа, Чи Мянью заглянул в темную глубину переулка, посмотрел на свои ноги, ступающие в дождевую воду, смешанную с кровью, и устало вздохнул.

То, что должно было случиться, случилось.

Не успел Чи Мянью убедить себя действовать решительно, как человек в глубине переулка, похоже, заметил движение.

Затем раздался мягкий, слабый голос:

— Здесь кто-то есть?

Глядя на искаженную тень, отражавшуюся в дождевой воде под светом фонаря, Чи Мянью сжал ручку зонта, поджал губы и, помедлив, шагнул в темноту.

— Да.

В тот момент, когда тень ступила во тьму, она слилась с дождем, падающим на влажную землю — беззвучно и неразрывно.

Видя, что в переулке слишком темно, Чи Мянью хотел достать телефон и включить фонарик, но

не успел он пошевелиться, как человек напротив словно предугадал его действия.

Затем тихо произнес:

— Однокурсник, мои глаза повреждены, можно не включать свет?

Чи Мянью замер. Помедлив, он ответил:

— Хорошо.

Глядя, как юноша, чье лицо он не мог разглядеть, медленно вынимает руки из карманов — в них ничего не было — Юнь Шу удовлетворенно изогнул губы.

Не обращая внимания на кровоточащие раны, он медленно приподнялся, когда Чи Мянью подошел к нему. Юнь Шу слегка потянул его за край одежды, его голос был мягким, вязким, с оттенком едва уловимого соблазна:

— Однокурсник, мне так больно... Поможешь мне, пожалуйста?

Не успел Чи Мянью ответить, как в небе сверкнула молния, на мгновение осветив темный переулок.

Этого краткого мига хватило, чтобы Чи Мянью разглядел юношу, державшего его за край одежды.

Тот, весь в крови, прислонился к обшарпанной стене, одежда и волосы насквозь промокли — неизвестно, сколько времени он провел в этом холодном дожде.

Юноша с прекрасными чертами лица слегка запрокинул голову, нахмутив брови. Его черные глаза, в которых, казалось, таилась целая бездна, не мигая, смотрели на него. Алые губы были сжаты, а капли крови на лице лишь придавали его красоте еще больше очарования и загадочности.

Заметив, что юноша перед ним застыл, Юнь Шу тихо рассмеялся. Пользуясь тем, что тот не может толком ничего разглядеть, он позволил своим лисьим глазам открыто выразить торжество.

Затем он снова слегка дернул за одежду и умоляющим, полным надлома голосом прошептал:

— Однокурсник, мне некуда идти...

— Забери меня домой, хорошо?

<http://bllate.org/book/21484/2198769>